

Годъ 4-й.

Кн. XIII-XIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1892, №№ 2—3.

подъ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографического Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1892.

БОЛЬЗНЬ И СМЕРТЬ по представлениямъ бѣлоруссовъ.

Въ Бѣлоруссіи замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаруживается упорная и медленная борьба новыхъ вѣяній, началь просвѣщенія, съ переживаніями міоической старины и т. п. суевѣріями и предразсудками. Хотя старое еще и крѣпко держится у бѣлоруссовъ, но борьба, очевидно, неравная; культурное вліяніе, съ его свѣтлыми и темными сторонами, проникаетъ во внутренній и внѣшній бытъ крестьянина, измѣняетъ его одежду, домашній бытъ, языкъ, нравы и взгляды. Прежнее міросозерцаніе не успѣло замѣниться новымъ и, потерявъ свою устойчивость, вызвало въ понятіяхъ народа извѣстное броженіе, колебаніе между тѣмъ, какъ жили „бацьки и дзяды, и тѣмъ какъ приходится жить теперь. Коснувшись различныхъ, едва ли не всѣхъ сторонъ крестьянского быта, культурное вліяніе менѣе всего, однако, отразилось въ убѣжденіяхъ крестьянина относительно самого себя, своей тѣлесной организаціи, ея физіологіи и патологіи. Въ древности, быть можетъ, подъ вліяніемъ тяжелой борьбы за существованіе, человѣкъ выдѣлилъ себя изъ предметовъ окружающей природы, повѣрилъ въ свое особое происхожденіе, въ особыя, отличныя отъ всего прочаго, нормы жизни и, противопоставивъ себя внѣшнему міру, сталъ смотрѣть на свое тѣло исключительно какъ на объектъ дѣйствія благопріятныхъ и враждебныхъ силъ природы. Ясно, что понятіе о болѣзни зародилось и развивалось отдельно отъ понятія о функцияхъ человѣческаго тѣла и, съ теченіемъ времени, на подкладкѣ первобытныхъ вѣрованій получило своеобразную, вполнѣ законченную форму, конечно, колеблющуюся и падающую съ развитиемъ просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи Бѣлоруссія находится далеко

не въ благопріятныхъ условияхъ. Хотя стариинный взглядъ на болѣзнь, какъ на таинственное навожденіе извнѣ, сталкивается съ указаніемъ на ея естественное происхожденіе отъ причинъ физически-реальныхъ, легко уяснимыхъ, но—съ другой стороны,—если принять во вниманіе, что врачей въ краѣ недостаточно сравнительно съ населеніемъ, разбросаннымъ на большихъ разстояніяхъ, и образовательные пути крайне скучны, то станетъ понятно, почему воззрѣнія на болѣзнь въ значительной степени остаются вѣрными вѣковой традиціи отцовъ и дѣдовъ и тѣсно связанными съ глубоко укоренившимся въ бытовой жизни бѣлорусса господствомъ знахарства.

Нашей задачею будетъ—собрать, насколько возможно, и сгруппировать общія черты воззрѣній на болѣзнь, циркулирующихъ въ настоящее время въ крестьянской средѣ Бѣлоруссіи, безъ всякаго отношенія къ ихъ исторіи, сравненіямъ и обобщеніямъ,—дѣлу, которое ждетъ своего специалиста и теперь, пожалуй, въ виду недостаточности материала, можетъ оказаться преждевременнымъ.

Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, перейдемъ къ темѣ. По настоящее время въ Бѣлоруссіи живетъ наивная первобытная вѣра въ то, что тѣло человѣческое вѣчно и неизмѣнно; что оно послѣ непонятнаго акта видимой смерти вмѣстѣ съ душой отправляется въ другой безвѣстный міръ, гдѣ продолжаетъ жить тою же материальною жизнью, что и на землѣ; что Богъ, далѣе, чтобы наказать родъ людской за грѣхопаденіе, создалъ 77 болѣзней и отдалъ ихъ въ распоряженіе дьявола¹⁾. Эта вѣра послужить намъ точкой отправленія, потому что она даетъ первое и главнѣйшее указаніе, именно, что болѣзнь вообще является результатомъ дѣйствія свободной воли злого духа; послѣдній, стало быть, владѣетъ сонмомъ всевозможныхъ болѣзней и распредѣляетъ ихъ между людьми. Это подтверждается и народнымъ повѣрьемъ, гласящимъ, что частое призваніе чорта во вседневной жизни раздражаетъ его, и онъ за это иногда „садитъ медвѣдя на плечи“, т. е. надѣляеть тяжелою болѣзнью. Недаромъ, поэтому, говорится: „треба радиць, якъ и съ чортомъ ладиць“.

Итакъ, въ появленіи и распространеніи болѣзней между людьми

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, дьяволъ создалъ 77 болѣзней на погибель человѣческую, а Богъ, въ противодѣйствіе, сотворилъ 77 целебныхъ травъ.

главную роль играетъ представитель злой невидимой силы, отвѣтчикъ за все темное и враждебное въ народной жизни, дьяволъ, чортъ, „дѣябэль, нячисцікъ, сатана“¹⁾. Но, какъ можно замѣтить выше, въ появлениіи болѣзни можетъ быть виновенъ не одинъ „нячисцікъ“, но и самъ человѣкъ, тѣмъ или инымъ заслужившій немилость у чорта; человѣкъ можетъ накликать болѣзнь такъ же, какъ бѣду, пожаръ, неурожай и все, находящееся во власти злого духа. Вѣковой опытъ подмѣтилъ и сохранилъ много подобныхъ фактовъ и въ борьбѣ съ невидимымъ врагомъ нашелъ, по народному убѣжденію, вѣрныя средства помощи или предохраненія. Въ Пинскомъ у., Минской губ., напримѣръ, существуетъ повѣрье, что отнюдь нельзя называть жабой ¹⁾ ребенка, которому еще не исполнился годъ отъ рожденія, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ горбатъ ²⁾). Не слѣдуетъ бросать зря волосы человѣка, такъ какъ, если они попадутъ въ огонь, то въ головѣ будетъ безпрестанно жаръ, а если въ мышиныя норки, то боль и шумъ въ ушахъ. Поэтому-то ихъ кладутъ въ стѣнныя щели или пускаютъ на текучую воду ³⁾). Во изѣжаніе изжоги (*печеи*) не пекутъ во время колядъ хлѣба до щедреца, блиновъ ⁴⁾ и мн. др.

Предъ своимъ появлениемъ болѣзнь непремѣнно извѣщаетъ того, къ кому она послана, или извѣстнымъ сновидѣніемъ, или словомъ, или безпричинной тоской. Къ числу предметовъ и явленій, видѣть во снѣ которые означаетъ приближеніе болѣзни, относятъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе: небо, мѣдные деньги и вещи, крашеное полотно, шубы (вообще теплую одежду), мелкую рыбку, медвѣдей, стрижку волосъ, дѣтей, яблоки, груши, яйца, муку и др. ⁵⁾). Въ случаѣ, если болѣзнь угрожаетъ ребенку, то

¹⁾ Обычное шутливое, иногда досадливое прозвище дѣтей и низкорослыхъ въ Бѣлоруссии.

²⁾ Пинчуки. Этнogr. Сборн. Д. Г. Булгаковскаго, 188, т. XIII, вып. 3 Записокъ И. Р. Г. О—ства. Спб. 1890.

³⁾ П. В. Шейнъ. Матеріалы и т. д., т. I, стр. 17. Спб. 1887.

⁴⁾ Ibid., стр. 43.

⁵⁾ Не вдаваясь въ подробное объясненіе причинъ того или другого толкованія, говорить Е. Р. Романовъ въ своемъ опыте бѣлорусского снотолкователя, замѣтимъ однакоже, что кроме толкованій метафорическихъ и толкованій по противоположности въ бѣлорусскихъ снотолкованіяхъ большую роль играетъ созвучие (мука—мѣка... и т. п.) и сходство вицѣнныхъ признаковъ, напр., формы, цвета и пр. (яблоко, яйцо—вередъ... и т. п.). Эти. Об., кн. III, 55.

мать, рѣже отець, извѣщается объ этомъ посредствомъ сновидѣнія, въ которомъ ребенокъ играетъ, обыкновенно, съ предметами, напоминающими болѣзнь. Тутъ предсказаніе идетъ еще дальше: если ребенокъ, въ сновидѣніи матери, плачетъ, то это—хорошій знакъ, слѣдовательно, ребенокъ выздоровѣть; если же онъ весело подбрасываетъ груши, яблоки и т. п. и при этомъ звонко смѣется, то подобный сонъ ведеть къ неминуемой гибели дитяти.

Въ Борисовскомъ у. Минской г. намъ удалось записать крайне любопытный разсказъ одного крестьянина о приближеніи болѣзни. „Ня было пана ў дому, говориль онъ: и мнѣ казано было ў пакояхъ начаваць. А было гэта нѣякъ зимой, перадъ Калядами. Ўдругъ, вечеромъ слышу я громка: Андрей!—якъ разъ-разъ якъ паноў голасъ. Быў и кумъ тутъ, ёнъ и каже: во, панъ поѣхаў надоўга, а глядзи, — зварнуўся! Я туды, я сюды, — нема пана (ёнъ только на третыи дзень зъ гораду прыѣхаў). А посля таго крыку я якъ захворѣў, дакъ чатыри нядзѣли бязъ мовы (безъ голоса) быў, але адратавали (спасли). А крыкъ той ўсъ ў доми чули. Людзи, кажуць, што гэта хвароба кликала. Други разъ,— рассказывалъ онъ же, — сидзѣў я адзинъ у пана ў пакби,—а пана ўзноў не было,—а на сэрци чую смутакъ (неопределеннную тоску), ажно душа балиць. А я ужо баяўся. И людзи казали: кали услышишь, якъ цябе будуць кликаць, а никога ня увидзишь, то (шануючи пана) скажи: на.. ру! Ну, дакъ тады, якъ-разъ ўпоўначъ, я чую: Андрей, адчини (отопри)!—нѣйки голосъ за дзвярыма. Хочѣў я сказаць: на.. ру!—а посля думаю: барани Божачка, панъ! и маўчу, чакаю. А яна ў други разъ: Андрей, адчини! Я думаю,— ўсё роўна, перепрашу пана, кали ёнъ, да и кажу: на.. ру! Дакъ яна (хвароба) и адчапилася адъ мяне, и не хварѣў я той разъ“.

Такимъ образомъ, первый разсказъ касается тѣхъ случаевъ, когда болѣзнь предваряетъ себя словомъ, или, говоря языкомъ нашихъ сказокъ, голосомъ молвить человѣчымъ. Запомнимъ этотъ фактъ, — онъ намъ пригодится впереди. Въ параллель къ нему приведемъ нѣсколько выраженій, въ которыхъ болѣзнь является говорящимъ существомъ. Такъ, досадуя на чей-либо крикъ, говорять: чаго ты кричишь, кабъ на цябе такъ хвароба кричала!.. Въ отвѣтъ на ироническій или обидный зовъ говорять: пакличъ, пакличъ,— можа и цябе хвароба якая пакликае! Или еще: надто ў лѣсъ не кричи, бо хвароба адклинетца! Объ одномъ знахарѣ говорили,

что онъ „съ ўсякой хваробой бясе́ду вядзе и знае, якъ да ихъ надступитца“. Второй вышеприведенный рассказъ относится къ тѣмъ случаямъ, когда болѣзнь предваряетъ себя продолжительнымъ тревожнымъ чувствомъ и затѣмъ окликомъ избраннаго ею. И тутъ, какъ въ сновидѣніяхъ, бываетъ, что болѣзнь, готовая охватить ребенка, сообщаетъ это тревожное чувство сердцу матери, которая, догадываясь объ угрожающей дитяти болѣзни, должна показывать видъ, что она мало заботится о немъ и что ей вовсе не будетъ жаль, если оно заболѣтъ. Здѣсь приближеніе болѣзни къ дитяти разматривается, какъ зло, направленное противъ матери, которая, поэтому, старается показать, что злое демоническое существо не достигнетъ своей цѣли, потому что, будто бы, ей и самой хочется избавиться отъ ребенка. Существуютъ и другія предзнаменованія болѣзни, изъ числа которыхъ приведемъ слѣдующія: 1) унылый видъ лошади или собаки и непринятіе ими пищи ¹⁾; хриплое пѣніе пѣтуха; 2) неудачное печеніе хлѣба, когда онъ, какъ говорять, отпекается, или пироговъ, когда они не всходятъ, т. е., тѣсто не поднимается отъ дѣйствія дрожжей ²⁾; 3) неожиданная порча косы или сохи, также поломка коромысла; 4) позывъ почесать губы, лобъ, переносце ³⁾ или неудовлетворенное желаніе чихнуть; 5) случай, когда ступня нечаянно цѣликомъ уложится въ чужой слѣдъ и пр.

Появленіе и прекращеніе болѣзни бѣлорусъ характеризуетъ словами: причапилася, ўлѣзла, насѣла на плечи, ўскочила, аблапила (т. е. охватила), приляцѣла, ухвацилася, вышла, выляцѣла, адчяпилася, адстала, кинула. Употребляя какое-либо изъ имѣющихся подъ рукою лѣкарственныхъ снадобій, онъ непремѣнно соединяетъ съ этимъ глубокую вѣру въ то, что этого лѣкарства „хва-

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи существуетъ вѣра въ то, что домашнія животныя, въ особенности собаки и лошади, обладаютъ способностью видѣть предметы, незримые для человѣка, въ томъ числѣ и болѣзни.

²⁾ Въ печеніи хлѣба, по убѣжденію бѣлоруссовъ, участвуетъ домовой, сохранившій въ данномъ случаѣ черты своего древняго образа, рисующаго его устроителемъ домашняго благополучія, ревнителемъ довольства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и сохранившееся въ Бѣлоруссіи выраженіе, которымъ матери успокаиваютъ дѣтей: придзе, придзе дзѣдъ, намъ (табѣ) пирогъ спячець.

³⁾ Какъ увидимъ ниже, въ названной мѣстности существуетъ повѣрье, что некоторые болѣзни охватываютъ человѣка, предварительно поцѣловавъ его.

роба" не любить и поэтому должна оставить больное тѣло. Часто употребляемый въ нашей медицинѣ т. н. массажъ (растираніе тѣла руками), получившій начало въ народномъ обиходѣ, не имѣть, въ народныхъ понятіяхъ, своей конечной цѣлью воздѣйствія на больное тѣло, но на самую болѣзнь, чтобы, причиняя мученія, заставить ее удалиться. При этомъ, обыкновенно, произносятъ: такъ ей, чортовой хваробѣ, задай ей, нехай нялѣзя, куды ня просяць, и т. п.

Сказаннаго достаточно, чтобы охарактеризовать общее представленіе бѣлорусса о болѣзни, которая, такимъ образомъ, не есть для него что-то внутреннее, зарождающееся и развивающееся въ немъ самомъ, но нѣчто являющееся извнѣ, живущее материальною жизнью, короче сказать, *олицетворяемое*. Такъ, болѣзнь, какъ мы знаемъ, можетъ голосомъ молвить человѣчымъ, — она откликается на зовъ, подчиняется вліянію человѣческой рѣчи, слѣдовательно, она слышитъ: и, мало того, что слышитъ, она понимаетъ то, что слышитъ, стало быть, она надѣлена чувствами и сознаніемъ. Далѣе, она приходитъ, она *садится на плечи, вскакиваетъ, вылетаетъ, любить или не любить предлагаемую ей пищу или питье, слѣдовательно, она кромѣ организаціи духовной имѣть организацію физическую, но невидимую* — оттого, что все, исходящее отъ чорта, непроницаемо для человѣческаго взора, хотя, съ другой стороны, бываютъ случаи когда и самъ чортъ и его болѣзни бываютъ видимы. Но если послѣднія бываютъ видимы, то въ какихъ видахъ?

На это народная фантазія отвѣчаетъ если не совсѣмъ ясно, зато въ высшей степени разнообразно. Однако, если разобраться въ материалѣ, относящемся къ этому вопросу и заключающемся въ сказаніяхъ демонологического характера, заговорахъ, поговоркахъ и разсказахъ крестьянъ, бывшихъ, будто-бы, очевидцами существъ, служащихъ олицетвореніями различныхъ болѣзней, то можно выдѣлить нѣкоторыя болѣе или менѣе устойчивыя представленія, не входя въ разсмотрѣніе безконечной цѣпи варіантовъ, подражаній и просто ни на какой темѣ необоснованныхъ вымысловъ.

"Болѣзнь вообще представляется въ видѣ дитяти", говорить Романовъ¹⁾, и многое въ бѣлорусскомъ быту подтверждаетъ такое

¹⁾ Этн. Обозр. III., 59.

представлениe. Если мы обратимся къ живой рѣчи и прислушаемся къ суждениямъ крестьянъ о болѣзняхъ, то мы безъ труда встрѣтимъ въ нихъ много выраженій, вродѣ слѣдующихъ: будешь ты няньчитца зъ хварбой (т. е. въ случаѣ, если заболѣешь); гадзі (угождай) хваробѣ, кабъ не плакала; хвароба сама на ѿсьць, — яе кармиць треба и др. Послѣднее выраженіе содержитъ намекъ на лѣкарства, которыя предназначаются не больному тѣлу, но самой „хваробѣ“. Такое общее представлениe значительно расширяется въ переходѣ отъ родового понятія о болѣзни къ частнымъ, видовымъ понятіямъ. Особенно рельефно вырисовывается въ народной фантазіи образъ двѣнадцати, по однимъ, или семи, по другимъ источникамъ¹⁾, сестеръ-лихорадокъ, по мѣстному, трасакъ, трасцъ, лихаманакъ. Эти сестры-лихорадки, которыхъ народъ въ заговорахъ и заклинаніяхъ называетъ ласкательно тетками, считаются дочерьми царя Ирода, посмѣявшимися при видѣ отрѣзанной главы Иоанна Предтечи. Онѣ представляются то въ видѣ молодицъ съ распущенными волосами, которые съ первыми весенними лучами, вмѣстѣ съ туманомъ, поднимающимся отъ талой воды, рождаются и носятся въ воздухѣ, то въ видѣ злыхъ, безобразныхъ, нагихъ старухъ, которые сидятъ на вѣтвяхъ обнаженныхъ осенью деревьевъ, дрожа и скрежеща зубами. Весеннія лихорадки, летающія, къ слову сказать, порознь, ищутъ спящаго на солнцѣ человѣка, чтобы подѣловать и уже не разставаться съ нимъ²⁾. Ихъ щеки горятъ яркимъ пламенемъ; взоры проникаютъ въ самую душу человѣка; ихъ подѣлуй зажигаетъ организмъ своимъ разрушительнымъ, изнуряющимъ огнемъ. Подъ впечатлѣніемъ этого подѣлуя человѣкъ видѣть чарующіе сны. Такъ, одинъ крестьянинъ разсказывалъ, что, уснувъ въ лѣсу ранней весной, онъ видѣлъ во снѣ окруженнную яркимъ сіяніемъ Богородицу, а послѣ того жестоко заболѣлъ лихорадкой. Должно быть, говорилъ онъ, проклятая „трасца“ цѣловала... На вопросъ: не можетъ ли онъ объяснить такого соотношенія между видѣніемъ Богородицы и послѣдовавшей лихорадкой, онъ отвѣтилъ, что часто слыхалъ отъ людей о такихъ совпаденіяхъ, но почему это такъ — „хто жъ яго

¹⁾ Е. Р. Романовъ. Бѣлорус. Сб., вып. V: дзевяць—семъ цяюхъ (тетокъ); въ другихъ заговорахъ, впрочемъ, встречаются числа: 30, 74 и 77.

²⁾ Н. А. Янчукъ. По Минской губ., Труды Эtn. Отд., кн. IX, в. I, 81.

въда! Можа Яна прихадзила, кабъ перастярагчи, чи абараниць. Кажуць, што кали перахрестішсья ў гэтае ўремя, то и хвароба мінесь. Алежъ ўва снѣ ня ухбіши (не догадаешься и не успѣшь сдѣлать)⁴. Весеннія лихорадки имѣютъ нѣсколько названій: трасца сонная, трасца гарачая, мокрая, губастая, пякучая, лихучая, жоутачка. Осення старухи-лихорадки, которыхъ народъ называетъ „сцюдзяными, вадзяными, синючими“, поджидаютъ своихъ жертвъ и, завидѣвъ приближающагося человѣка, обращаются въ парть, стараясь забраться подъ тулупъ или свитку. По возвращеніи человѣка въ избу, невидимый врагъ начинаетъ свое дѣло, и больной жалуется на сильный ознобъ и общую ломоту въ тѣлѣ. Онъ ищетъ себѣ мѣстечка потеплѣе и покойнѣе—забирается поэтому на печь, которую домашніе стараются возможно сильнѣе нагрѣть, чтобы вызвать больного „на поты“, съ которыми должна выйти и сама болѣзнь, не устоявшая противъ сильной жары. Кое-гдѣ сохранился обычай держать въ это время въ домѣ кошку или собаку, чтобы болѣзнь, оставивъ тѣло человѣка, пристала къ животному, которое, въ свою очередь, освободится отъ нея гдѣ нибудь въ полѣ. Часто случается, что чѣмъ жарче та печь, на которую забирается больной, чѣмъ теплѣе одѣтъ онъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ ознобъ и мучительнѣе боль. Можно полагать, что подъ міёическое число этихъ сестеръ-лихорадокъ народъ подводить и другіе недуги: горячку, желтуху и пр. Одна изъ сестеръ считается старшею и властвуетъ надъ остальными. Она чаще всего фигурируетъ въ обыденной рѣчи бѣлорусса, можетъ быть, какъ понятіе собирательное, а можетъ быть, какъ остатокъ другого, болѣе древняго вѣрованія, и только при распознаваніи болѣзни поднимается вопросъ объ остальныхъ сестрахъ, изъ которыхъ каждая обладаетъ своими характерными свойствами.

Итакъ, весеннія сестры-лихорадки рождаются съ первыми проблесками оживанія природы и носятся по воздуху въполномъ блескѣ здоровья и красоты; за страданія, причинляемыя ими, онъ награждаютъ человѣка горячимъ поцѣлуемъ, рождающимъ чудныя грезы сна. Осеню же, когда поблекнутъ и исчезнутъ дары весны и сама природа сдѣлается какъ будто старчески ворчливой и слезливой, сестры-лихорадки рисуются народному воображенію злыми старухами, коченѣющими отъ холода. Таково взаимоотношеніе

внѣшнихъ проявленій природы и внутреннихъ ощущеній человѣка въ народномъ представлениі.

Перейдемъ къ другимъ представленіямъ о болѣзняхъ. Болѣзни горловыя и грудныя, при которыхъ испытывается ощущеніе, подобное удушью, являются бѣлоруссу въ видѣ медвѣдей. Вѣрять, что человѣкъ, умирающій отъ подобной болѣзни, видитъ передъ самой кончиной медвѣдя, который навалился на него и сжимаетъ горло огромными лапами съ острыми, длинными когтями. Волками представляются болѣзни, отчасти сходныя съ только что названными, отчасти же сопровождающіяся ознобомъ и дрожью. Какъ замѣчено выше о медвѣдяхъ, бываютъ случаи, когда больному представляется, что надъ нимъ щелкаетъ зубами волчище и когти его впиваются въ тѣло. Существуетъ повѣрье, что первая встреча съ волкомъ въ лѣсу ранней весной, когда снѣгъ не весь еще растаялъ, предвѣщаетъ долгую и изнурительную болѣзнь. Поэтому, въ подобныхъ случаяхъ, стараются далеко гнать звѣря, воображая, что гонять прочь самую болѣзнь. Иногда волкъ — „хвароба“ смѣшивается съ вовкулакой, ночнымъ оборотнемъ, снимающимъ съ себя передъ утреннимъ разсвѣтомъ волчью шкуру. Горловыя болѣзни, знаменующія себя сильнымъ и удушливымъ кашлемъ, представляются въ видѣ кошекъ. Кошка считается вообще самымъ небезопаснымъ для здоровья животнымъ. Существуетъ множество рассказовъ о томъ, какъ кошка бросалась на шею спящаго, впивалась своими острыми когтями въ горло и перегрызала его. Основой этихъ рассказовъ служить вѣра, что этимъ путемъ, путемъ превращенія въ кошекъ, вѣдьмы стараются извести ненавистныхъ имъ людей. Особенно слѣдуетъ осторегаться черныхъ кошекъ: въ каждой ихъ шерстинкѣ сидѣтъ по болѣзни, а сама черная кошка есть ничто иное, какъ провинившаяся передъ чортомъ вѣдьма. Отъ подобного рода козней нечистаго спасаетъ крестьянина шейный крестъ, ладонка, иногда узловики (наузы).

Въ видѣ жабъ представляется сонмъ болѣзней горловыхъ, головныхъ, „урочныхъ“, обитающихъ *на мори—окіяни, подъ камнемъ—(А)латыремъ*, или въ золотомъ гнѣздѣ подъ „пранникомъ“¹⁾.

¹⁾ Деревянный обрубокъ, которымъ бабы выколачиваютъ при полоскании бѣлье.

Жабица—царица или жаба Шкуропея властвуетъ надъ остальными жабами, обладающими „жалами болючими и зубами кусучими“ ¹⁾). Существуетъ повѣрье, что жаба или жабалака подкрадывается къ спящему съ открытымъ ртомъ, просовываетъ въ ротъ свое длинное жало и проводить имъ по горлу, которое моментально краснѣетъ. Если снять и сжечь кожу пойманной лягушки, то можно надѣяться, что болѣзнь, олицетворяющая въ образѣ жабы, никогда не пристанетъ. Это нѣсколько напоминаетъ намъ сказку о томъ, какъ сожженіе лягушечьей шкурки освобождаетъ царевну-лягушку отъ заклятія. Название „жабалака“ указываетъ на смѣшеніе понятій объ олицетворяемыхъ болѣзняхъ съ понятіями объ оборотняхъ ²⁾). Жабы, дающія свой образъ вѣдьмамъ или заклятымъ людямъ, называются „рапухами“ и отличаются своимъ жалобнымъ, звенящимъ крикомъ. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ превращеніяхъ большое значеніе приписывается шкурѣ ³⁾.

Въ видѣ козла являются болѣзни, сопровождающіяся болью подъ ложечкой и спазмами въ желудкѣ. Козлами же называются и сопутствующія этимъ болѣзнямъ рвотныя выдѣленія. „Козлы спасть не дають, козлы дзяруць (и—ёнъ козлы дзярець)“, говорятъ крестьяне, намекая на спазматическую боль въ желудкѣ или рвоту. Въ одномъ заклинаніи упоминается старшій Козель, всѣмъ козламъ царь, живущій „на мори на-кіяни“.

Подобнымъ же образомъ въ сборникѣ Романова ⁴⁾ въ одномъ изъ заговоровъ упоминается старшій Колтунъ, которому подвластно множество колтуновъ, „подивныхъ, подумныхъ, намовныхъ, сурошныхъ“ и т. д. Онъ представляется старикомъ съ длинными всклокочеными волосами, сидящимъ на камнѣ посреди моря „сіянсьскаго“.

Неясно въ народномъ представлѣніи вырисовываются образы Звиха (вывиха) и Зубища. Звихъ является то великаниомъ, рыщущимъ по зеленымъ лѣсамъ, то младенцемъ, рѣзвящимся въ цвѣ-

¹⁾ Романовъ Бѣлор. Сб. V, 165, 32—33.

²⁾ Ср. вовку(д)лака.

³⁾ Ср. Аѳанасьевъ, Нар. Рус. Ск., IV, 46; съ сожженіемъ крыльевъ и шкурки возстановляется человѣческій обликъ.

⁴⁾ Романовъ. Ibid, 161, 7.

тахъ. Зубище въ заговорѣ¹⁾ представляется существомъ, которое угрожаетъ съѣсть дубъ „зъ гольлёмъ (съ вѣтвями) и съ кореньемъ“; ему предлагаются оставить дитя въ покоѣ и отправиться „на мохи, на болоты, на топкія потопы“, гдѣ ему якобы предстоитъ „спаць и гуляць, крусуватца“. Въ другомъ, записанномъ нами заговорѣ, Зубище рисуется существомъ, напоминающимъ крота, слѣпымъ, живущимъ въ землѣ, „подъ крыницаю“. Иногда зубищамъ присвояются христіанскія имена, какъ видно изъ Романовскаго заговора: „И зубъ Максимъ, и зубъ Василь, выходзи сусимъ!“

Въ видѣ красной дѣвицы съ воинственными наклонностями представляется болѣзнь, проявляющаяся въ формѣ вередовъ, скулъ. Незримо и неслышно носится она по воздуху, забирается въ избы и цѣлуетъ или ударяетъ облюбованнаго ею человѣка. На мѣстѣ прикосновенія и образуется вередь. Замѣчено, что пристаетъ она болѣе всего къ людямъ нечистоплотнымъ, причемъ, по другимъ сказаніямъ, она не цѣлуетъ, а плюетъ. Вереда бываютъ различны,—въ многочисленныхъ заговорахъ упоминаются „скулы“: „бѣлая, черная, синяя, восковая, свѣтная, урошная, подзвивная, наговорная, жидовськая, татарськая, латыгольская, паньская, жалостная, радостная, сабачая“ и др. Понятно, что каждое изъ перечисленныхъ названий не знаменуетъ собою отдельнаго вида этой болѣзни: нѣкоторыя,—какъ „урошная, подзвивная, наговорная, жалостная, радостная“,—означаютъ только вызвавшую ихъ причину, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Въ переходѣ къ вопросу объ олицетвореніи болѣзней эпидемическихъ, заразительныхъ, которыя народъ въ своихъ представленіяхъ ставить иногда наряду со смертью, необходимо отмѣтить, что предзнаменованія этихъ болѣзней во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ предзнаменованіями смерти. Главнѣйшими примѣтными повѣрьями въ данномъ случаѣ могутъ считаться: появленіе кометы на небѣ, неурожай, продолжительное беспокойство домашнихъ животныхъ, вой собакъ, зловѣщій крикъ воронъ на крышахъ домовъ, появленіе вблизи жилья совъ. Изъ представленій о болѣзняхъ этого типа мы коснемся главнѣйшихъ, именно, оспы, холеры и чумы (мора). Злой, безобразной старухой съ блещущими очами и выступаю-

¹⁾ Романовъ. Ibid., 165; 29, 30, 31.

щимъ наружу однимъ крѣпкимъ зубомъ рисуется воображенію крестьянъ тетка-оспица, брызгающая своей ядовитой слюной въ намѣченную ею жертву. Рассказываютъ, что однажды спавшій на сѣновалѣ крестьянинъ почувствовалъ легкое прикосновеніе чьей-то костлявой руки и ощутилъ на лбу своеи капли холоднаго пота. Судорожнымъ движениемъ схватилъ онъ эту руку въ то мгновеніе, какъ уста его раскрылись для произнесенія молитвы („Да воскреснетъ Богъ“). Застигнутая обаятельными словами молитвы, безобразная тетка-оспица не успѣла, да и не могла уже сдѣлаться невидимкой. Она стала вертѣться, стараясь вырваться и умоляя отпустить ее, причемъ обѣщала совсѣмъ удалиться изъ этой волости. Но вотъ крестьянинъ неловко повернулъ руку, ему стало больно, и онъ среди молитвы воскликнулъ: „стой ты, чертовка“!.. Едва успѣлъ онъ произнести нечистое слово, какъ ея не стало, только шорохъ сѣна послышался въ углу. Онъ помолился, „перепрасиу Бога“ и уснуль. Во снѣ онъ снова видѣлъ ее: она корчилась и єжилась подъ тяжестью огненнаго креста. Съ тѣхъ поръ она никогда не появлялась въ этой мѣстности ¹⁾). Мѣстныя названія осipy суть: рабая, рабуха, щербачка, лихая и пр. О человѣкѣ, лицо котораго сохранило слѣды этой болѣзни, говорятъ въ насмѣшку, что на его физіономіи черти горохъ молотили или ячменную крупу „драли“.

Холеру представляютъ себѣ бѣлоруссы въ образѣ ужасной женщины съ длинными, свѣтлыми волосами и сверкающими очами. Она разбрасываетъ на громадное пространство болѣзнетворныя зерна, вынимая ихъ изъ неистощимаго лукошка. Дѣлаетъ она это чаще всего весной, и зерна ея примѣшиваются къ огороднымъ сѣменамъ и заражаютъ ихъ. Такъ народъ объясняетъ вредъ, причиняемый въ холерный годъ огородными овоцами. Рисуется она еще и другимъ образомъ—именно, холодной красавицей, помахивающей изъ-за кладбища на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, отчего люди мрутъ, какъ мухи ²⁾.

Н. А. Янчукъ разсказываетъ о холерѣ слѣд. любопытное повѣрье. Когда въ одномъ селѣ Бобруйскаго у. (Минской губ.) люди

¹⁾ Сообщено М. И. Давидовскимъ.

²⁾ Янчукъ. Ibid., 84, и „Корницкая свадьба“ въ Тр. Этн. Отд. VII, 158, прим. къ п. 168.

во множествѣ умирали во время холеры (въ 30-хъ гг.), у мѣстного священника всѣ были здоровы. Послѣднее обстоятельство крестьяне объяснили тѣмъ, что у батюшки были сердитыя собаки, которыхъ и не пустили холеру во дворъ. Такія представленія о холерѣ стоять особнякомъ. Обыкновенно они подводятся подъ болѣе или менѣе общій типъ представленій о чумѣ, или морѣ.

Чума (морѣ), по-бѣлорусски „марѣ“, черная немочь, является въ образѣ черной миѳической жены, существа воздушнаго, стихийнаго, владѣющаго огненными стрѣлами ¹⁾). Приближаясь къ мѣстности, назначенной ей безпощаднымъ демономъ, она обличается *темной* птицею, чаще всего филиномъ или совою, иносится по воздуху, намѣчая себѣ жертвы. Иногда ночью, слѣдя за какимъ-нибудь прохожимъ, она зоветъ его по имени и стонетъ, чтобы обратить назадъ вниманіе путника. Но послѣдній долженъ, не оглядываясь, итти впередъ и шептать про себя молитву; не то—поразить его своею стрѣлою смертоносная красавица, черный ядъ разольется въ крови и безобразная смерть занесетъ свою неустающую руку съ косой. Складки бѣлой одежды чумы широко развѣваются въ безпредѣльномъ эѳирѣ и застилаютъ сіяніе мѣсяца. Она не терпитъ ни пѣтушьяго крика, ни собачьяго лая, поэтому вездѣ, гдѣ она царствуетъ, собаки перестаютъ лаять, а пѣніе пѣтуха становится хриплымъ ²⁾). Бѣлоруссы разсказываютъ, что во время бури повальная болѣзни, чума, холера и оспа, совѣщаются и спорятъ о томъ, въ какую мѣстность каждой изъ нихъ направиться. За разрѣшеніемъ спора онѣ нерѣдко обращаются къ первому попавшемуся на пути. „Нѣколи, говорять въ Бѣлоруссіи, ишоў адзинъ чалавѣкъ зъ царкви ў суботу вечаромъ, къ сабѣ дамоў. Тольки перадъ самимъ сяломъ спатыкаетца яму наустрѣчу вялизная женщина, ўся бѣлая, съ хустачкой ў руцѣ. Стой, каже,—мнѣ треба вѣдать, пи даўна у васъ сястрица-халера была.—Нѣ, недаўна, каже мужикъ. А ёнъ мусицъ надта спужаўся.—А сястрица воспа?—изноў пытае яна.—И воспа недаўна.—А я ци даўна у васъ была? Мужикъ и дагадаўся, што гэта Мара.—Ня помню,

¹⁾ Ср. разить—зараза.

²⁾ Въ Великороссіи существуетъ повѣрье, что холера лягушекъ не любить. Оно оказалось въ интересномъ замѣчаніи: „Въ холеру и лягушка не квакнетъ“. Даль. Посл., I, 506.

каже.—Ну, значитца, мнъ да васть исти, але ты ня бойся. И кажуць, ў той годъ стольки тамъ людзей памёрло, што нехай Богъ крье!—а геты мужикъ, и дзѣткі яго, и жонка—усъ здаравюсеньki были, навэтъ и ўнуки яго гэтой хваробы не баятца“.

Въ сборнікѣ г. Романова¹⁾ чума носить название „чумы—чумищи, вѣдьмы—вѣдьмищи, суки—сукищи“.

Чума рогатаго скота представляется безобразной старухой, вооруженной крѣпкимъ, острымъ шиломъ. Сама она, обыкновенно, не ходить, а ее таскаеть на своей спинѣ черная корова. Иногда эта болѣзнь является среди стада въ видѣ черной коровы и заражаетъ его.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ бѣлорусса на болѣзнь и таковы главнѣйшіе виды ея олицетворенія. Переидемъ теперь къ вопросу о томъ, откуда, по мнѣнію бѣлорусса, берутся болѣзни и какимъ образомъ пристаютъ онъ къ людямъ, другими словами, участвуютъ ли и здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ участіи нечистой силы, посредники между началами этой силы и простыми, темными людьми? Какъ великороссъ относительно болѣзни говорить, что она „съ вѣтра пришла“ или „съ воды приключилася“, точно также и у бѣлорусса вода, море, океанъ, съ одной стороны, и вѣтеръ, или вѣрнѣе то миѳическое царство, гдѣ обитаютъ вѣты, служать мѣстопребываніемъ болѣзней. Въ заговорахъ ихъ умоляютъ вернуться домой, на море-океанъ, или туда, гдѣ вѣты дуютъ, причемъ напоминаютъ болѣзнямъ о томъ, что тамъ, будто бы, ждутъ ихъ кроватки тесовыя, подушки пуховыя... Слѣдуетъ замѣтить, что изъ-за моря у бѣлорусса является все, происхожденіе чего для него неизвѣстно или загадочно. Эпидемическія болѣзни приносятся „по вѣтру“, а лихорадки, вообще болѣзни простудныя являются „съ водой“ весною, когда сыро въ воздухѣ, а солнце пригрѣваетъ и томить ко сну на травѣ, которая едва пробивается изъ-подъ земли, выдѣляющей вредныя испаренія.

Болѣзни, исходя, какъ выше было замѣчено, отъ злого демона, врага человѣческаго рода, пристаютъ къ людямъ при посредствѣ захарей, захарокъ, иначе „вѣдзьмаковъ и вѣдзьмъ“. Достаточно вѣдзьмаку взглянуть на человѣка особыннымъ образомъ и мысленно призвать на него какую либо хворь или порчу, какъ

¹⁾ Ibid., стр. 143, № 22.

она ужъ тутъ какъ тутъ, охватываетъ, терзаетъ, мучить человѣка... Достаточно человѣку сказать „урошное“ слово, похвалить что-либо и въ то же время подумать другое, или подивиться, усмѣхнуться на кого или на что нибудь съ недоброю мыслью, какъ цѣлый сонмъ всевозможныхъ порчъ готовъ обрушиться на несчастнаго человѣка. Отсюда-то, изъ этой чудодѣйственной власти чаровниковъ и происходить болѣзни „съ глаза“, урошныя, усмѣшныя, подзивныя“ и пр. На всѣхъ ихъ въ отдѣльности мы останавливаться не будемъ, такъ какъ онъ не представляютъ въ данномъ случаѣ чертъ, особенно характерныхъ для бѣлорусскаго племени.

Говоря о роли вѣдзьмаковъ по отношенію къ народному здравію, нельзя пройти молчаніемъ интересной статьи М. В. Довнаръ-Запольскаго, помѣщенной въ № 2 Этн. Об. за 1890 г. подъ заглавіемъ „Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв.“, изъ которой мы узнаемъ, что тогда „по отношенію къ людямъ чародѣйство могло имѣть прежде всего значеніе для ихъ здоровья“. Въ указанной статьѣ приведено много примѣровъ, почерпнутыхъ изъ судебныхъ процессовъ того времени, примѣровъ сверхъестественной власти чаровниковъ наводить „чары“ и освобождать отъ нихъ; часто встречаются жалобы въ родѣ того, что „отъ чаръ человѣкъ лишился разсудка, терялъ зрѣніе“ и т. п. Не поднимая исторіи вопроса о народной медицинѣ, мы привели эти выдержки затѣмъ, чтобы показать, какъ сравнительно мало съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени измѣнились взгляды бѣлоруссовъ на болѣзни и ихъ происхожденіе. Донынѣ въ волостныхъ правленіяхъ разбираются тяжбы, въ которыхъ истецъ жалуется на ворожбу обвиняемаго, причинившую ему материальный или физическій ущербъ; донынѣ знахари поддерживаютъ, правда, уже начинающія колебаться суевѣрія, и народная масса въ своемъ большинствѣ остается вѣрной міросозерцанію отцовъ и дѣдовъ.

Такъ, въ Киевской Старинѣ¹⁾ мы находимъ замѣтку того же г. Довнаръ-Запольскаго: „Современное дѣло о чародѣйствѣ“. Дѣло это разбиралось очень недавно—28 апрѣля 1890 г.—и взято изъ книги решеній Телеханскаго волостного суда Пинск. у. Минск. г. Ввиду его интереса приведемъ его цѣликомъ.

Крестьянинъ дер. Омельной, Святовольской волости, Василій

Гавриловъ Милевскій, жалуется на крестьянина д. Вальки, Ивана Александрова Шабатько, что, когда сынъ жалобщика отъ простуды сильно заболѣлъ,— онъ, зная, что Шабатько занимается на-шептываніемъ, обратился къ нему, и Шабатько согласился за 3 руб. вылечить чрезъ 13 дней съ тѣмъ, что сынъ встанетъ, а та женщина, которая это сдѣлала, ляжетъ. Онъ купилъ ему водки, и Шабатько, получивъ 3 р., нашепталъ на водкѣ и дѣлъ выпить сыну, но сынъ въ срокъ не выздоровѣлъ и никакая женщина не заболѣла. Просить о взысканіи 3-хъ руб. Иванъ Александровъ Шабатько на спрѣсъ пояснилъ, что дѣйствительно, по просьбѣ Милевскаго, онъ прочиталъ молитву надъ водкой (онъ просилъ дать воды, но Милевскій просилъ на водкѣ) и велѣлъ дать выпить, сказавъ ему, что сынъ его будетъ живъ и здоровъ,— и сынъ выздоровѣлъ. Срока на выздоровленіе не обозначилъ и суммы вознагражденія не назначалъ, а сколько онъ дѣлъ, то и принялъ. Молитву эту по требованію онъ прочиталъ и своему мѣстному священнику, и священникъ погрѣшностей никакихъ не нашелъ. Свидѣтель крестьянинъ дер. Омельной, Василій Осиповъ Коверчикъ, пояснилъ, что Шабатько, потребовавъ отъ Милевскаго 3 руб. и пошептавъ на водкѣ, сказалъ: „это сдѣлала женщина, и она сейчасъ прийдетъ къ тебѣ просить чего - нибудь; только ничего не давай, тогда она заболѣетъ“. Но такъ какъ онъ въ теченіе трехъ дней никого не дождался, то и требуетъ возврата денегъ. На основаніи 107 ст. общ. полож. о крестьянахъ, волостной судъ предлагалъ сторонамъ кончить дѣло между собой миролюбіемъ, чего не послѣдовало, а посему: обвиняя Ивана Шабатько въ обманѣ людей своимъ врачеваніемъ, а Милевскаго въ томъ, что онъ по маловѣрію не обращался къ медицинской помощи, а къ „шептунамъ“, судъ постановилъ: взыскать съ Ивана Шабатько въ пользу Милевскаго три рубля, а на основаніи 102 ст. общ. полож. подвергнуть денежному штрафу въ пользу мѣрского капитала Телеханской волости Шабатька и Милевскаго по одному рублю каждого.

Закончимъ нашу характеристику бѣлорусскихъ представлений о болѣзняхъ обращеніемъ къ непосредственному источнику народныхъ воззрѣній, къ пословицамъ и поговоркамъ: „Хваробу ная треба кликатъ — сама придзе“, говорятъ крестьяне, намекая на неумѣстность разговоровъ о болѣзни между здоровыми людьми или отвѣтъ

чая на проклятие ся именемъ. Какъ ея появление отражается на человѣкѣ? — Прежде всего „хвароба никоѓа не красиць“; человѣкъ „хворый“ худѣеть, становится „сухи, якъ щепка“, въ то же время силы его слабѣютъ: но сѣвшая на человѣка болѣзнь такъ тяжела, что онъ „ледва ноги валачѣ“, „кабъ ня могъ стагнаць, даўна бѣ ноги протягнуу“. „Хвраму ништо ня мило“, потому что „хвароба“ яго „кроў выпила, яго косточки пасасала“, человѣкъ отъ нея становится похожъ на тѣнь: „Яго тольки цѣнь ходзиць“, „тольки й славы, што живе“; болѣзнь „колі ня үморыць, дакъ скрывиць“... Часто болѣзнь настолько изнуряетъ человѣка, что смерть является желаннымъ результатомъ мученій, и, отчаявшись въ выздоровленіи, больной собирается „на той свѣтъ ү даробу“...

Но если больному въ иныхъ случаяхъ смерть представляется желанною, то здоровый человѣкъ не можетъ не думать о ней безъ нѣкотораго тревожнаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ, сознаніе, что „чалавѣкъ якъ муха, сяння (сегодня) живе, заутра нѣ“, постоянно наталкивало человѣка на мысль о послѣднемъ концѣ и заставляло его отыскивать тѣ примѣты и обстоятельства, по которымъ онъ могъ бы предугадать ея появление. Въ этомъ отношеніи окружающая обстановка и природа дала бѣлоруссу обширный матеріаль для его суевѣрной фантазіи при истолкованіи подмѣченаго. Изъ множества примѣтъ приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя.

Самымъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ смерти считается видѣніе во снѣ давно умершихъ родителей или кого-либо изъ предковъ. „Гэто яны приходзюць, говорятъ крестьяне, кабъ ознаймиць (увѣдомить), што скора смерць прыдзе, значитца, кабъ пригатавуяся чалавѣкъ“. Если же кто-либо изъ покойныхъ родственниковъ является во снѣ до истеченія 40 дней послѣ смерти, то это сновидѣніе истолковывается иначе, именно — душа покойника мучится и напоминаетъ живымъ о молитвѣ за умершихъ. Кукованье кукушки на крыше дома, крикъ совы, вой собаки, каша, поднявшаяся во время варки изъ горшка, внезапное паденіе хлѣба изъ рукъ¹⁾ — все это для бѣлорусса страшныя примѣты, грозящія разлукой съ жизнью, которая, несмотря на всѣ лишенія и невзгоды, все же представляется ему высочайшимъ благомъ, лишь затемненнымъ людскими грѣхами. Сама смерть, подобно болѣзни,

¹⁾ Шейнъ. Матеріалы и т. д., т. I, ч. II, 579 и сл.

рисуется въ разныхъ видахъ. По извѣстной сказкѣ, распространенной въ Бѣлоруссіи, смерть находится на кончикѣ иглы, заключенной въ миѳическомъ яйцѣ, но это смерть вѣдьмъ и чаровниковъ, какъ по сказкѣ—Кащея волшебника. Смерть же обыкновенныхъ людей представляется воображенію бѣлорусса женщиной, облеченней въ бѣлое покрывало, блѣдной и исхудалой, или скелетомъ въ бѣломъ же саванѣ съ длинной и острой косою. По убѣжденію пинчуковъ, на концѣ этой косы всегда виситъ капля смерти ¹⁾. Рѣже она представляется старухой съ сѣдыми, распущенными волосами, сгорблленною и дрожащею,—въ образѣ, напоминающемъ сказочную бабу-ягу; чаще всего она изображается скелетомъ съ костлявымъ подвижнымъ черепомъ. Являясь за жизнью умирающаго, она становится у его изголовья и, выжидая момента, неподвижно глядить на свою жертву. Если больной неожиданно вздрогнетъ или широко раскроетъ глаза и уставится въ одну точку, это значитъ, что въ то мгновеніе ему „смерть въ очи поглядѣла“ ²⁾. По вѣрованію пинчуковъ, „когда больной откроетъ ротъ, въ него попадаетъ съ косы капля смерти, отъ которой онъ и умираетъ“ ³⁾. Какъ цвѣтъ и теплота солнца даютъ жизнь и красоту землѣ и всему, что на ней находится, такъ, въ противоположность этому, холодъ и мракъ прежде всего опредѣляютъ ту таинственную область, откуда приходитъ грозная смерть, отъ которой „ни адкупиться, ни адмолиться“... Смерть представляется вѣющею холodomъ и сыростью: стоя у изголовья умирающаго, она своимъ холоднымъ дыханіемъ отнимаетъ у него жизненную теплоту, вмѣстѣ съ которой выходитъ и душа человѣка; глаза теряютъ теплившееся въ нихъ сіяніе жизни и принимаютъ холодно-равнодушное выраженіе. Откуда приходитъ смерть, неизвѣстно, но нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что жилище ея отожествляется съ адскимъ жилищемъ нечистыхъ духовъ. Относительно ада, какъ и рая, бѣлоруссы имѣютъ весьма скучныя представления: адъ, по ихъ мнѣнію, есть подземная область, гдѣ одни грѣшники мучаются въ огнѣ, а другимъ „и цѣмна и сцѣдзяна“, души же грѣшниковъ ведеть туда сама смерть, а „яна, куды за-

¹⁾ Булгаковскій. Пинчуки, 190.

²⁾ Зап. И. Р. Г. О. по отд. этн. т. I, 429.

³⁾ Пинчуки, I. с.

хоча, привядзе“. Дѣйствія ея, впрочемъ, далеко не самовольны; они повинуются божественному предначертанію,— „якъ куды Богъ прысудзя“... Относя смерть къ разряду злыхъ, нечистыхъ духовъ, бѣлоруссы нерѣдко въ разговорной рѣчи отожествляютъ въ одномъ образѣ смерть и чорта. Такъ, въ выраженіи „прыдзя чортъ и по яго душу“ слово чортъ замѣняеть собою слово смерть; хотя, съ другой стороны, очевидно подъ вліяніемъ церковнымъ, въ мрачныхъ представленіяхъ о смерти слабо проникаетъ лучезарный образъ ангела, посланного Богомъ, и въ этомъ видѣ смерть и сонь рисуются братьями-близнецами.

Не вводя въ программу настоящаго очерка вопроса о состояніи души послѣ смерти и о загробномъ мірѣ, ограничимся изложенными представленіями о смерти. Смерть, говорятъ бѣлоруссы, только и есть одна вѣрная на свѣтѣ; правда, отъ нея не отмѣлишься, „на смерць нема зельля“, но за то она одинакова для всѣхъ, „не разбирае ни бѣднаго, ни богатаго“...

Въ такихъ, приблизительно, чертахъ рисуется воображенію бѣлорусса картина болѣзни и смерти: вся она опутана цѣлой сѣстью примѣтъ, предразсудковъ, суевѣрій, слабѣющими эхомъ звучащихъ изъ временъ незапамятной старины. Но едва-ли можно съ точностью опредѣлить то время, когда онъ сбросить эту вѣковую, традиціонную сѣсть и просвѣтленными глазами взглянетъ на міръ Божій...

Евг. Ляцкій.